

УДК 811.161.1'37

**ЛЕКСИЧЕСКИЙ РЕПРЕЗЕНТАНТ КОНЦЕПТА *ЖИЗНЬ*
В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ:
СУБСТАНТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ**

А. А. Папейко

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и методики начального образования
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматриваются лексико-семантические особенности метафорического осмысления жизни в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой. Выделяются и описываются следующие основные подгруппы субстантивных метафор: жизнь – смерть; литературное (фольклорное) произведение; тюрьма; состояние; вещество, продукт; опредмеченное действие; пространство; игровая атрибутика; человек; транспорт; толпа; предмет воздействия; отягощение; качество; чувство, отношение.

Ключевые слова: концепт, лексический репрезентант, русская поэзия, поэтический дискурс, семантика, метафора, жизнь, М. И. Цветаева.

Введение

Концепт как специфическое ментальное образование находит своё дискурсивное воплощение посредством языковых знаков, в совокупности которых при лингвистическом изучении на первый план выходит тот или иной лексический репрезентант. Вместе с определением перечня наиболее актуальных репрезентантов необходимо выработать стратегию описания и классификации, основанную на формально-грамматических (частеречных, сочетаемостных) и/или смысловых (семантических, коннотативных) признаках. В исследовании концептосферы русского поэтического дискурса XX – XXI веков в целом и М. И. Цветаевой в частности мы предприняли попытку сочетать формально-грамматический и смысловой аспекты; в итоге были определены 5 основных групп семантико-синтаксических отношений, в рамках которых мы вели наблюдения за смысловым наполнением лексического репрезентанта *жизнь* с учетом всех возможных словоформ и некоторых фонетических вариантов:

- 1) метафорический перенос наименования (имена существительные);
- 2) сравнение (имена существительные);

3) квалитативная характеристика (имена прилагательные);

4) конструкции со значением субъекта (глаголы);

5) конструкции со значением объекта (глаголы).

Каждая из перечисленных групп представляет собой своеобразный, относительно автономный фрагмент языковой картины мира.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении группы субстантивных метафор как образной характеристики *жизни* в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой.

Теоретической базой исследования послужили работы Ю. С. Степанова [1], Ю. Д. Апресяна [2], З. Д. Поповой и И. А. Стернина [3], Ю. Н. Караулова [4], А. Д. Шмелева [5] и др., а также некоторые наблюдения, сделанные автором настоящей статьи в предшествующих публикациях [6 – 10].

Источником фактического материала послужили тексты произведений, размещенных в поэтическом корпусе Национального корпуса русского языка [11].

Основная часть

Метафора как способ осмысления понятия *жизни* обычно вводится в ткань поэтического произведения при помощи субъектно-предикатных конструкций и является для творчества М. И. Цветаевой наиболее характерным приёмом. Об этом говорит как само количество вторичных номинантов – почти треть всех примеров в рамках названных выше групп, – так и широта спектра направлений метафоризации, что перекликается с понятием основных типов субстантивных метафор в рамках их семантической классификации (подробно о семантической классификации субстантивных метафор см. источник 12, с. 27).

1. «Жизнь – смерть». В метафорическом видении *жизни* М. И. Цветаевой обращает на себя внимание частое сопоставление с понятием смерти; этот сектор лексико-семантиче-

ского поля в нашем случае представлен вторичными номинантами *не жизнь, бессмертье, смерть*. Подобное столкновение в одном контексте не просто свидетельствует о неразрывной связи двух вариантов состояния органического тела, но формирует из двух концептуальных понятий бинарную оппозицию, в которой четко просматриваются диалектические отношения между компонентами. Так, *жизнь* и *смерть* приобретают значение не просто двух противоположных состояний; они выступают в роли своеобразного средства оценки качества, достоверности одного и другого с постепенным приближением к истинному восприятию человеком: *Если ты, такое око – смеркло, / Значит, жизнь не жизнь есть, смерть не смерть есть, / Значит – тлимся, допойму при встрече!* Кроме того, *жизнь* и *смерть* являются понятиями не столько взаимоисключающими, сколько предполагающими постепенный переход из одного состояния в другое, что фактически означает констатацию отношений контрарной, градуальной антонимии и уходит от антонимии комплементарной: *Обмелевающие бессмертье – / Жизнь*.

2. «Литературное (фольклорное) произведение». Данный сектор репрезентирован лексемами *не роман, поэма, сказка, стихи*. Перечисленные вторичные номинанты фактически утрачивают значение соотносительности с художественным текстом, приобретая иной смысл – своеобразного «антонима» *жизни* как объективной реальности, заведённого порядка вещей, привычного уклада (отметим, что значение жизни как объективной реальности и/или сложившегося хода событий является одним из общепринятых и традиционно фиксируется толковыми словарями): *Из сказки в жизнь*. Контекстуальное противопоставление, столкновение сказки, стихов, романа и т. п. (с одной стороны) и *жизни* как реальности (с другой) указывает на резкое расхождение между ними, выраженное несовершенством второго в сравнении с первым, превосходство первого над вторым: *Я найду в своих стихах / Всё, чего не будет в жизни*.

3. «Тюрьма». *Жизнь* в поэзии М. И. Цветаевой часто предстает как модус ограничения свободы, о чем говорят репрезентанты *барак, каторга*. Очевидно, здесь можно усмотреть «расслоение» семантики *жизни* и формирование двух различных смысловых пластов: во-первых, жизни как интенции, жизненно-го начала; во-вторых, жизни как пространственно-временного континуума, в котором

жизненное начало находит свою реализацию. Интересно, что сопоставление с тюремным заключением не только придает *жизни* отрицательную коннотацию, но и напоминает о её конечном характере, а также порождает ассоциацию с освобождением, наступающим с её окончанием (по аналогии с освобождением по отбытии срока заключения): *Погребенная заживо под лавиной / Дней – как каторгу, избываю жизнь*.

4. «Состояние». Отождествление жизни с каким-либо состоянием наблюдается в случае с номинантами *бред, смех, сон*. Данные единицы апеллируют к эмоционально-оценочному (смех) и бессознательному (бред, сон) началу, при этом члены оппозиции «сознательное / бессознательное» оказываются тесно связанными с полюсами шкалы «реальность – вымысел». Важно, что индивидуально-авторское и «общепринятое» понимание реального и нереального меняется местами: так, именно объективно существующая, окружающая действительность с её не зависящими от воли отдельного субъекта законами предстает в поэзии М. И. Цветаевой как нечто бессознательное и нереальное: *Понял ты, что жизнь иль смех, иль бред, / Ты ушёл, сомнений не тревожа...*

5. «Вещество, продукт». Эта часть семантического поля жизни в поэзии М. И. Цветаевой представлена словами *гранит, слизь, хлеб (насущенный)*. Здесь мы замечаем несколько смысловых уровней. Во-первых, это описание повседневной жизни с точки зрения привычных событий, действий, забот, вынуждающих забывать о прочих аспектах жизни, временно отодвинутых на второй план: *И будет жизнь с ее насушеным хлебом, / С забывчивостью дня*. Во-вторых, это опосредованная оценка качества, выражение субъективного отрицательного отношения к определенному укладу, ходу событий: *«Прижились», – / Эта слизь называется – жизнью!* Наконец, в-третьих, это утверждение чрезвычайной силы настоящего чувства, способного преобразовать реальность вплоть до превращения неживого в живое: *Так ударами сердца растрогать гранит этот дикий – / Чтобы взмахом одним стал и плотью, и кровью, и жизнью*.

6. «Опредмеченное действие». Этот сектор образован номинантами *дрожание, дрожь, нажим, озноб, погром*. *Жизнь* в этом случае предстает как активное начало, неконтролируемое стихийное проявление, страсть, причём именно сила произвольных проявлений характеризует уровень, степень «досто-

верности» жизни – чем проявления сильнее, тем жизнь с её событиями и ощущениями является более «настоящей», соответствующей неким авторским представлениям о ней: *Но по дрожанию всех жил / Можешь узнать: жизнь!* Показательно, что в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой метафоризация жизни как дрожи, страсти может осуществляться путём повествования от первого лица, что создаёт ощущение исповедальности текста: *Вся жизнь моя страстная дрожь!*

7. «Пространство». Семантика жизни как пространства вводится лексемами *дверь, зала, квартал, место, пригород*, при этом обращают на себя внимание три аспекта пространственной характеристики. Во-первых, дискретность, т. е. четкое разграничение на «здесь» и «там», которое фактически означает противопоставление авторского «Я» и жизни как окружения, других людей. Интересно, что «Я» при этом выступает также в качестве своеобразной границы, разделяющей пространство на различные области, вычленяющей отдельного человека из всей остальной массы по аналогии с разделением театрального помещения на сцену и зрительный зал: *Нету тайны у занавеса – от зала. / (Зала – жизнь, занавес – я)*. Во-вторых, открытая констатация непригодности обозначаемого пространства – окружающей реальности – для жизни, которая мыслится субъектом как «правильная», полная, настоящая: *Жизнь – это место, где жить нельзя...* В-третьих, возможность или необходимость перемещения в жизненном пространстве вплоть до выхода за его пределы, что означает превалирование соответствия индивидуальному эталону жизни над необходимостью её сохранения: *Не крадущимся перешибленным зверем, / Нет, каменной глыбой / Выйду из двери – / Из жизни.*

8. «Игровая атрибутика». Отношение к жизни как игре – театральной либо азартной – в мировой и русской литературе явление уже встречавшееся; здесь сразу возникают ассоциативные связи с именами У. Шекспира (*Весь мир – театр, а люди в нём – актёры*) и А. С. Пушкина (*Что наша жизнь? – Игра!* из оперы П. И. Чайковского по мотивам «Пиковой дамы»). Данный смысловой пласт вводится в наш случай вторичными номинантами *карта, сукно игорное* и придает поэтическому дискурсу М. И. Цветаевой оттенок реминисцентности, причём отсыл осуществляется к игре именно азартной, карточной. Жизнь в

результате воспринимается как пространство для развёртывания событий и осуществления действий, намеренно заглушающих ощущение неудовлетворённости жизнью и тем самым символизирующих бегство от реальности: *Как жизнь уже давным-давно нам – / Сукно игорное...* Интересно, что ход событийной стороны жизни при этом фактически приравнивается к проигрышу: *Жизнь свою – как карту бьем!*

9. «Человек». Этот сектор лексико-семантического поля представлен номинантами *дива, жена, ладонь*. Персонализация жизни в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой, помимо собственно усиления образности, выполняет три функции. Первая – это подчёркивание в качестве неотъемлемой черты жизни высочайшей степени активности, силы её проявлений, что на формально-грамматическом уровне достигается сочетанием с превосходной степенью прилагательного: *Живейшая из жен: / Жизнь*. Вторая – это характеристика жизни как неизбежно лишённой чего-то крайне важного, определяющего для внутреннего мира, для личности как таковой, что уничтожает ценность самого понятия жизни по аналогии с утратой голоса популярной певицей: *Что настаивающий нам твой / Хрип, обезголосившая дива – / Жизнь!* Третья функция – это намёк на то, что же является в жизни главной радостью, целью, смыслом; в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой такой радостью и смыслом становится нахождение рядом с любимым человеком, максимально возможная близость, прикосновение: *В белую книгу твоих тишизн, / В дикую глину твоих «да» – / Тихо склоняю облом лба: / Ибо ладонь – жизнь* (см. также: *Жив только бок, / О смежный теснюсь котормым. / Вся жизнь – в боку!*).

10. «Транспорт». Метафорическая номинация жизни как транспорта, приспособления для перемещения осуществляется словами *поезд, рельсы*. Данные примеры несколько напоминают приведённые в подразделе «Пространство» (п. 1.7), но в случае с транспортом акцент делается именно на неизбежности перемещений, что характеризует жизнь как явление динамичное, движущееся. При этом направление движения не зависит от желаний субъекта, что сближает жизнь-транспорт с жизнью-реальностью, диктующей свои законы и вступающей в конфликт с индивидуальными запросами, являющейся для реализации истинных личностных потребностей непреодолимой преградой. Неизбежным, изначально заданным оказывается как условный

«маршрут», так и невозможность остановки, и человеку остаётся только принять эту данность: *Жизнь – рельсы! Не плачь!*

11. «Толпа». *Жизнь*, окружение в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой может принимать образ толпы, что репрезентируется словами *рынок, сброд, табор* и подразумевает разграничение на «Я» и «все остальные», противопоставление личности (автора) и людской массы. Людская масса при этом предстаёт как нечто непривлекательное в социальном и духовном плане (*сброд*), занятое преходящими заботами, неупорядоченное, шумное и суетное, направленное на подчинение отдельного человека своей коллективной воле: *Еще говорила гора, что табор – / Жизнь, что весь век по сердцам базар!*

12. «Предмет воздействия». Семантика *жизни* как предмета, воздействующего на живущего, образуется номинантами *дышло, ножи*. При этом воздействие мыслится как однозначно направленное на грубое подчинение (*ломовое дышло*) либо на причинение боли (*ножи*). Интересно, что причинение боли жизнью может быть вызвано именно тем, что, на первый взгляд, должно жизнь украшать, делать её счастливой, – чувством любви по отношению к другому человеку. Возможно, это в некоторой степени связано с тем, что любовь – это чувство возвышающее, а в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой окружение не прощает «непохожести», расхождения с обезличенной общепринятой нормой: *Жизнь: ножи, на которых пляшет / Любящая*. При этом важно, что объект воздействия сохраняет свободу выбора – сдаться под воздействием жизненных обстоятельств или противостоять им, несмотря на требования, давление, боль. По сути, способность сохранить себя, свой внутренний мир, отстоять своё право на индивидуальность вопреки внешнему давлению – это и выступает мерилем ценности живого существа: *Жизни ломовое дышло / Спаси не перешибило / Скакуну*.

13. «Отягощение». В качестве фактора отягощения *жизни* выступают номинанты *груз, недостаток, удушье*. При этом ощущения дискомфорта различной степени, в том числе выражающиеся на физическом уровне, может вызывать как избыток, нежелательность, присутствие чего-либо индивидуально непереносимого (*груз, удушье*), так и нехватка чего-либо жизненно важного (*недостаток воды*). Показательно, что обозначением жизненно необходимой составляющей в поэтическом

дискурсе М. И. Цветаевой является при этом метафорически переосмысленное название стихии (вода), нехватка которой причиняет страдания: *Жизнь? Недостаток воды...* В то же время символом ненужности, избыточности, абсолютной бессмысленности служат формальные, лишённые содержания супружеские отношения, что указывает на статус понятия семьи в индивидуальной поэтической картине мира: *Как скорлупую треснувшей – / Жизнь с её грузом мужей и жён*.

14. «Качество». Сегмент качества представлен лексемами *двоедушье, забывчивость*. В этом плане метафорическое осмысление *жизни* в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой сближается с понятием метонимии, так как наблюдается перенос качества с человека, его характера, особенности отношения к окружению на жизнь как процесс в целом, на какой-либо временной отрезок. При этом осуществляется перенос тех качеств, которые могут быть расценены как потенциально (*забывчивость*) или явно (*двоедушье*) отрицательные, что в целом соотносится со сказанным выше о несовершенстве жизни реально существующей в сравнении с идеальными, «эталонными» представлениями о ней: *Жизнь: двоедушье / Дружб и удушье уродств*.

15. «Чувство, отношение». Семантика чувства, отношения к кому-либо реализуется лексемами *любовь, радость*; интересно, что эта группа представлена номинантами, обозначающими восприятие безусловно положительное. Очевидно, это объясняется тем, что в данном случае речь идет не об окружении в целом (напомним, что окружение в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой обычно воспринимается как нечто несовершенное, враждебное, являющееся помехой) и не о каком-либо случайном, абстрактном его представителе, а о любимом человеке, который постоянно или в данный момент времени занимает в сознании и внутреннем мире говорящего положение исключительное, возможно, в определённой степени идеализируется. Движущей силой и целью *жизни* выступает любовь; более того, сама *жизнь* отождествляется с любовью, а основным стремлением и главной радостью становится быть рядом с любимым: *Любовь, это значит: жизнь*. См. также: *Жизнь: распахнутая радость / Поздороваться с утра!*

Заключение

Сказанное в статье позволяет сделать следующие выводы.

Метафора в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой представляет собой один из самых распространённых приёмов образной характеристики *жизни*, при этом спектр вторичных номинаций оказывается весьма широким и в обобщённом виде предстаёт как совокупность следующих семантических фрагментов: «жизнь – смерть»; «литературное (фольклорное) произведение»; «тюрьма»; «состояние»; «вещество, продукт»; «определённое действие»; «пространство»; «игровая атрибутика»; «человек»; «транспорт»; «толпа»; «предмет воздействия»; «отягощение»; «качество»; «чувство, отношение».

Общая семантика *жизни* в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой представлена двумя основными пластами: во-первых, жизни как интенции, жизненного начала; во-вторых, жизни как пространственно-временного континуума, в котором жизненное начало находит свою реализацию. Находясь в вынужденном взаимодействии, данные пласты вступают в конфликт, что находит отражение в оппозициях «жизнь / смерть», «реальность / вымысел», «здесь / там», «Я / окружение», «свобода / обусловленность» и др.

Жизнь в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой оказывается неразрывно связанной с двумя важнейшими концептуальными понятиями – любовью и смертью. При этом любовь воспринимается одновременно как движущая сила, одухотворяющее начало, главная ценность, основное устремление; смерть же выступает в качестве не столько враждебного начала, сколько средства оценки жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Степанов, Ю. С.** Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.
2. **Апресян, Ю. Д.** Образ человека по данным языка : попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
3. **Попова, З. Д.** Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 3-е изд. – Воронеж, 2003. – 192 с.
4. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

5. **Шмелев, А. Д.** Русская языковая модель мира : Материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

6. **Папейко, А. А.** Ключевые концепты в поэтических текстах А.А. Ахматовой / А. А. Папейко // Весці БДПУ. Сер. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2022. – № 2. – С. 99–102.

7. **Папейко, А. А.** Частотный паспорт ключевых концептов русской поэзии Серебряного века / А. А. Папейко // Весці БДПУ. Сер. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2022. – № 3. – С. 111–115.

8. **Папейко, А. А.** Опыт диахронического сопоставления ключевых концептов русской поэзии XX века / А. А. Папейко // Весці БДПУ. Сер. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2022. – № 4. – С. 77–82.

9. **Папейко, А. А.** Лексическая реализация концептов *жизнь* и *смерть* в творчестве поэтов Серебряного века: частотная характеристика / А. А. Папейко // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2023. – № 1 (61). – С. 95–99.

10. **Папейко, А. А.** Лексическая реализация ключевых концептов в авторской песне и поэзии «шестидесятников»: частотная характеристика / А. А. Папейко // Весці БДПУ. Сер. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2023. – № 2. – С. 119–123.

11. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: ruscorga.ru. – Дата доступа: 01.09.2023.

12. **Стариченок, В. Д.** Образ человека в белорусском языковом континууме : монография / В. Д. Стариченок. – Минск : Колоград, 2018. – 292 с.

Поступила в редакцию 13.09.2023 г.

Контакты: anatoly_papeiko@mail.ru (Папейко Анатолий Анатольевич).

Papeiko A. A. LEXICAL REPRESENTATIVE OF THE CONCEPT OF LIFE IN THE POETIC DISCOURSE OF M. I. TSVETAYEVA: SUBSTANTIVE METAPHORS

The article examines lexical and semantic features of the metaphorical understanding of life in the poetic discourse of M. I. Tsvetaeva. The following main subgroups of substantive metaphors are identified and described: life – death; literary (folklore) work; jail; state; substance, product; objectified action; space; game paraphernalia; human; transport; crowd; subject of influence; burdening; quality; feeling, attitude.

Keywords: concept, lexical representative, Russian poetry, poetic discourse, semantics, metaphor, life, M. I. Tsvetaeva.